

Ф.О. Трунов

Военно-политическое измерение современного кризисного состояния отношений Запада и РФ

Аннотация. Одной из ключевых составляющих современного кризиса отношений Евро-Атлантического сообщества и РФ стали военно-политические шаги, направленные друг против друга. В статье рассматриваются действия стран – участниц НАТО по наращиванию военного присутствия в Восточной Европе. Сложившаяся ситуация сравнивается с периодом классической холодной войны. Делается вывод о глубинных причинах ужесточения военно-политического курса Запада в отношении России и обозначаются перспективы его развития.

Abstract. One of the key elements of the modern crisis in the relations between the Euro-Atlantic community and Russia is the fact that the parties took military-political steps against each other. The article considers the actions of NATO member states, geared to increase the Alliance's military presence in Eastern Europe. The contemporary situation is compared with the period of classic cold war. The author concludes that the reasons for tighter Western course towards Russia are deep-rooted and outlines its prospects.

Ключевые слова: военно-политические шаги, Евро-Атлантическое сообщество, РФ, Германия, холодная война, международная безопасность.

Keywords: military-political steps, Euro-Atlantic community, Russian Federation, Germany, cold war, international security.

С 2014 г. отношения России и коллективного Запада пережили период колоссальной потери доверия и от состояния конструк-

тивного взаимодействия скатились к конфронтации. Несмотря на отдельные, хотя и заметные периоды координации преимущественно политических усилий (в связи с заключением минского «Комплекса мер» в феврале 2015 г. (второе минское соглашение, «Минск-2») и общим осознанием угрозы международного терроризма на волне успехов «Исламского государства»¹ осенью 2015 г.), в целом в 2014–2016 гг. ухудшение отношений было как никогда длительным и затяжным.

Глубину современного кризиса отношений между Западом и РФ иллюстрируют две его особенности.

Первая особенность состоит в том, что с 2014 г. Евро-Атлантическое сообщество отказалось от взаимодействия (и тем более сотрудничества) с Россией в военно-политической сфере не только по линии НАТО (что происходило и во время косовского военно-политического кризиса 1998–1999 гг., и в период кавказского кризиса августа 2008 г.), но и по каналам ЕС. Более того, в 2014–2015 гг. именно Европейский союз оказывал основное давление на РФ с целью добиться ее фактического отказа от отстаивания своих интересов на постсоветском пространстве. Страны – участницы ЕС в теснейшей координации с администрацией Б. Обамы в несколько этапов (после воссоединения Крыма с Россией и особенно по мере эскалации конфликта на Донбассе) ввели масштабные экономические санкции в отношении России. На первом этапе, особенно до осени 2014 г., значимость НАТО в рассматриваемом процессе была существенно ниже, чем ЕС, даже несмотря на интенсификацию военно-тренировочной деятельности в Восточной Европе [Трунов, 2016, с. 36–41].

После Уэльского саммита (4–5 сентября 2014 г.) роль альянса в противодействии РФ заметно возросла. На саммите было принято решение увеличить численность сил быстрого реагирования (СБР) – одного из ключевых наступательных военных механизмов НАТО – с 15 тыс. до 30 тыс. военнослужащих. Кроме того, государства – члены блока приняли обязательства о постепенном увеличении своих расходов на военные цели до 2% от ВВП [Wales summit., 2014], что

¹ Запрещенная в РФ террористическая организация.

должно было стимулировать закупки вооружений и военной техники (ВиВТ) и разработку их новых образцов. В развитие решений Уэльского саммита штатная численность СБР НАТО была в феврале 2015 г. увеличена еще в 1,3 раза, а в их составе учреждена бригада сверхповышенной боевой готовности (5 тыс. человек) [Fact sheet., 2016].

С 2016 г., особенно после проведения саммита альянса в Варшаве (8–9 июля 2016 г.), ключевая роль в деле усиления давления на РФ перешла к НАТО. Чем объясняется такая тенденция? Во-первых, Запад практически исчерпал запас экономических мер, применение которых не приводило бы к неприемлемым последствиям, в том числе политическим. Дополнение же этих мер лишь информационно-идеологическими инструментами не могло обеспечить в дальнейшем необходимого масштаба увеличения давления на РФ. Поэтому требовалось предпринять военно-политические шаги, для чего уже не мог быть использован механизм ЕС вследствие сохранения формулы «Берлин+»¹. Во-вторых, кризис диалога с Россией затягивался, что не было характерно для периодов ухудшения отношений в 1990-е – начале 2010-х годов. В такой ситуации западноевропейский истеблишмент (в том числе ФРГ и Франции) не был готов формально противиться предложениям США и их ближайших партнеров по наращиванию присутствия НАТО в Восточной Европе. В этой связи показательно, что «старые» европейские страны – члены НАТО согласились участвовать наряду с США в реализации не только экономических санкций, но и шагов по развертыванию военного присутствия альянса на территории восточноевропейских государств, о чем и было принято решение на Варшавском саммите [Warsaw summit., 2016]. При этом,

¹ Согласно формуле «Берлин+», детали которой до сих неизвестны широкой общественности, вся военная деятельность ЕС находилась в зависимости от НАТО. Под эгидой Европейского союза осуществлялись лишь второстепенные с военной точки зрения операции по поддержанию мира преимущественно в зонах конфликтов низкой интенсивности. Территориально данная деятельность в основном осуществлялась в Африке, в меньшей степени на Балканах, но не в «традиционных» для НАТО региональных зонах – Центральной и Восточной Европе.

как показала практика, официальный Берлин стремился ограничить масштаб своего участия в данном процессе минимально необходимым уровнем – как это было и во время военно-тренировочной деятельности альянса в регионе в период 2014–2015 гг. [Трунов, 2016, с. 38–41].

Вторая особенность кризиса отношений между Западом и Россией заключается в том, что конфронтация приняла затяжной характер не только на *общем уровне*, но и сразу на *двух региональных подуровнях* – на постсоветском пространстве (наиболее показательным – в контексте украинских событий) и в Восточном Средиземноморье (в первую очередь, в связи с развитием ситуации вокруг Сирии).

Свидетельствуют ли данные особенности о том, что современное состояние отношений между Россией и Западом является новой моделью холодной войны? Хотя среди как отечественных, так и западных экспертов по данному вопросу еще не сложился консенсус (и вряд ли это произойдет в ближнесрочной перспективе), многие [Menon, Rumer, 2014; Шаклеина, 2016] склоняются к положительному ответу.

По своей длительности начавшееся противостояние, безусловно, пока не столь продолжительно, как первый (с конца 1940-х до середины 1960-х годов) и второй (с конца 1970-х до конца 1980-х годов) «витки» («издания») классической холодной войны. Думается, однако, что ключевое значение имеет не временная характеристика (которая к тому же не может быть окончательно определена из-за незавершенности процесса), но качество отношений, которые (особенно в период 2014–2016 гг.) уместно описывать формулой *конфронтационного взаимодействия* (на всех трех указанных уровнях и подуровнях), разработанной группой отечественных ученых-международников во главе с А.Д. Богатуровым [Системная история..., 2003, с. 276–505].

Современный процесс глубокого ухудшения отношений между Западом и Россией имеет весь набор измерений периода классической холодной войны: политическое, экономическое, информационно-идеологическое и военное. Безусловно, их содержание с точки зрения как качественных, так и количественных характери-

стик существенно изменилось по сравнению с периодом 1950–1970-х годов – сообразно глубоким изменениям мирополитической системы¹. Однако все указанные измерения в условиях конфронтационного взаимодействия играют для обеих сторон значимую роль, в том числе военно-политическую – наиболее опасную по своим возможным последствиям.

В этой связи *задача* настоящей статьи – исследовать характер и значение военно-стратегических мер и шагов антироссийской направленности, осуществленных Западом на территории Восточной и Центральной Европы и прилегающих акваториях. Основное внимание будет сосредоточено на периоде 2016–2017 гг. – времени подготовки, проведения и реализации решений Варшавского саммита НАТО.

В реалиях классической холодной войны зоной разворачивания первого эшелона войск НАТО являлась территория ФРГ, т.е. регион Центральной Европы. В современных условиях таковой зоной выступает территория государств Восточной Европы, вошедших в Североатлантический альянс в конце 1990-х – середине 2000-х годов, в первую очередь стран Балтии (Эстония, Латвия, Литва), Польши, Румынии и Болгарии. ФРГ, на территории которой еще со времен классической холодной войны сосредоточены силы западно-европейских государств и особенно США, выступает зоной второго стратегического эшелона сил Североатлантического альянса.

Как уже отмечалось, в реализации военно-стратегических мер под эгидой НАТО участие стали принимать не только США, но и европейские страны – участницы альянса. В этой связи представляется необходимым рассмотреть по отдельности их шаги, определив суммарный эффект.

¹ В отличие от периода холодной войны, современный миропорядок не является биполярным и вряд ли (даже на фоне гигантских экономических успехов Китая) станет таковым в перспективе 10–15 лет. Однако Евро-Атлантическое сообщество и Россия уверенно сохраняют свое положение как центры политического притяжения и влияния на мировой арене, а потому длительное и глубокое ухудшение отношений между ними сказывается на развитии всего современного миропорядка. При этом и в период классической холодной войны значительная часть государств Третьего мира была лишь опосредованно вовлечена в процесс конфронтации сверхдержав.

Процесс наращивания группировки США в Восточной и Центральной Европе

Правильная оценка реального политического масштаба осуществленных НАТО военно-стратегических мер невозможна без понимания глубоких изменений качественных и особенно количественных параметров вооруженных сил стран – участниц альянса и РФ за 25 лет. В реалиях современного миропорядка, возникшего и развивающегося после окончания классической холодной войны, первоочередное значение для вооруженных сил приобрели вопросы оснащения их новейшими видами вооружения и военной техники – даже в относительно незначительных по меркам холодной войны и особенно Второй мировой войны количествах. В этой ситуации на первый план вышла проблема максимально высокой технической и профессиональной подготовки каждого военнослужащего, которой можно требовать лишь от профессиональных военнослужащих, но не от солдат, несущих срочную военную службу.

Необходимо также отметить постоянный рост цены производства и закупки каждой более современной единицы вооружения (примерное удвоение каждые 10–15 лет) и увеличение затрат на осуществление военных научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ (НИОКР) для разработки новейших видов техники [Безопасность..., 1985, с. 74–105], которые должны превосходить аналоги у потенциальных противников и желательно также партнеров, чтобы сохранить конкурентоспособность. Это ставит государства, особенно великие державы, перед дилеммой: либо выделять больше бюджетных средств на военные нужды (что даже в условиях значимых внешних рисков приведет к потере популярности правительств, избравших данный курс), либо закупать небольшие партии военной техники (несколько десятков, редко – более ста-двухсот единиц). Таких объемов техники едва хватит (с учетом предоставления части военной продукции в военно-учебные центры и заведения) для оснащения весьма ограниченного числа наиболее боеспособных соединений.

Соответственно, на смену массовым армиям периода холодной войны, имевшим десятки дивизий с сотнями тысяч кадровых военнослужащих и миллионами резервистов, пришли небольшие

по численности вооруженные силы, состоящие на 50% и более из профессиональных солдат и офицеров. Так, в 1990 г. бундесвер имел в своем составе 12 дивизий сухопутных войск [Armee., 2015] и до 190 тыс. солдат-срочников [Anzahl., 2017]. К 2017 г. в составе вооруженных сил ФРГ осталось лишь 3 дивизии в составе сухопутных сил, а с 2011 г. призыв на срочную службу был отменен [Von Bredow, 2015, p. 204].

В итоге в ходе проведенной реорганизации вооруженные силы располагают значительно меньшим (в 3–5 раз и более), чем в период классической холодной войны, количеством соединений, частей и подразделений, что имеет два весьма значимых следствия. Во-первых, значительно повышается военная и особенно политическая ценность одной отдельно взятой бригады и даже батальона, не говоря уже о дивизии. Соответственно, переброска даже одного-двух батальонов, не говоря уже о двух-трех бригадах с полным комплектом боевой техники, существенно изменяет соотношение военных потенциалов в регионе и сопоставимо с перегруппировкой армии в период Второй мировой войны или корпуса во время холодной войны. Во-вторых, при новой военно-политической конфигурации бригады и даже отдельные батальоны фактически начинают выполнять задачи, соответствующие уже не тактическому, а оперативному, а в ряде случаев и стратегическому уровням, на что обратила внимание группа видных исследователей вопросов военной теории во главе с академиком А.А. Кокошиным [Кокошин, Балуевский, Потапов, 2015, с. 111].

Еще в апреле 2014 г., после воссоединения Крыма с РФ, США приняли на себя функции по руководству всей военно-тренировочной деятельностью и по ее координации на территории восточноевропейских государств – членов НАТО [Eucom., 2017]. При проведении учений в Восточной Европе в 2014–2015 гг. доля войск Соединенных Штатов составляла в среднем от 35 до 50% от общего числа задействованных военнослужащих.

В 2014 г. США ограничились размещением в Восточной Европе четырех рот (600 военнослужащих), переброшенных из Германии и Италии. В марте 2015 г. Белый дом заявил о стремлении значительно усилить свое постоянное военное присутствие в Восточной

Европе – перебросить в регион бронетанковую бригаду (4,2 тыс. военнослужащих и 250 танков). Ее штаб и основная масса войск должны были развернуться в Польше, а подразделения – на территории стран Балтии, Болгарии и Румынии [Eusom., 2017]. Почему только через год после начала серьезного ухудшения отношений с РФ было заявлено о данных планах?

Во-первых, к этому моменту на фоне заключения в феврале 2015 г. Второго минского соглашения и начала его пусть и «буксующей» реализации значительно снизилась вероятность случайного втягивания Запада и России в прямую военную конфронтацию вследствие развития вооруженного конфликта на востоке Украины. Соответственно, прямо пропорционально уменьшалась и острота взаимного восприятия военно-стратегических мер, особенно рассчитанных как минимум на среднесрочную перспективу (каковыми являются шаги по развертыванию группировок войск на постоянной основе).

Во-вторых, США не могли пойти на развертывание группировки своих войск в Восточной Европе без безусловной реальной поддержки – не только политической, но и военной – со стороны всех своих европейских партнеров по НАТО. В этой связи можно вспомнить, что в условиях инициированного самим Белым домом военно-политического кризиса вокруг Сирии (август 2013 г.) администрация Б. Обамы уже заявляла, что готова проводить военную операцию лишь в составе международной коалиции [Минобороны США., 2013]. В отличие от ситуации 2013 г., в реалиях украинских событий в 2014 г. европейские страны – участницы альянса оказали поддержку США на Уэльском саммите НАТО, согласившись на увеличение военных расходов (до 2% от ВВП) и двукратное наращивание СБР НАТО, которые должны были комплектоваться за счет контингентов европейских государств – членов НАТО, предоставлявших военнослужащих и технику в соответствии со своей очередностью в рамках ротационного цикла [Wales summit., 2014]. Согласно данной схеме, с осени 2014 г. по осень 2015 г. комплектование СБР альянса должно было осуществляться Нидерландами, Норвегией и ФРГ, которая, как уже отмечалось, в 2014 г. принимала весьма ограниченное участие в резко активизировавшейся военно-

тренировочной деятельности НАТО в Восточной Европе. К марту 2015 г. СБР НАТО приблизились к новой штатной численности, а 24 февраля 2015 г. было принято решение об их новом увеличении до 40 тыс. военнослужащих [Fact sheet., 2016]. Кроме этого, ФРГ выразила практическую поддержку планов США по развертыванию группировки в Восточной Европе, предоставив свою транспортную инфраструктуру для перевозок прибывающей многочисленной техники и личного состава армии США.

В-третьих, наращивание военного присутствия в Европе уменьшало возможности США для стратегического «разворота на Восток» с целью сдерживания КНР. Одной из ключевых составляющих данного процесса являлось укрепление «дуги» военных баз США вдоль границ Китая. Хотя администрация Б. Обамы не только отказалась от своих планов начала 2010-х годов по значительному сокращению сухопутных войск (с 45 до 32 бригад) [Сухопутные войска., 2014], но даже пошла на увеличение их численности, военных сил для стратегического сдерживания КНР у США не столь много. переброска 3-й бронетанковой бригады 4-й пехотной дивизии США из Калифорнии в Восточную Европу [Eucosm., 2017] является *серьезным ослаблением* цепи войсковых соединений Соединенных Штатов в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР), что не могло не учитываться администрацией США. Показательно, что передислокацию бригада начала только в середине 2016 г., т.е. после начала реализации решений Варшавского саммита НАТО. Непосредственно сам процесс развертывания на территории Польши и пяти остальных государств Восточной Европы бригада осуществила в январе-феврале 2017 г., пройдя транзитом через территорию ФРГ [Ibid.].

В этой связи возникает вопрос: насколько мощную группировку планируют развернуть США в Восточной Европе? Есть основания полагать, что ее состав не ограничится одной бронетанковой бригадой, которая уже существенно увеличивает суммарную боевую мощь вооруженных сил шести восточноевропейских государств. Для ответа на данный вопрос необходимо учесть несколько факторов.

Во-первых, в рамках реализации решений Варшавского саммита НАТО США пошли на дополнительное усиление своей европейской группировки. Альянс принял решение развернуть четыре батальона сил передового развертывания, причем основу войск одного из них – в Польше – должны составить американские военнослужащие, не входящие в состав 3-й бронетанковой бригады 4-й пехотной дивизии [В НАТО заявили.., 2016]. Кроме того, Белый дом начинает направлять подразделения (в первую очередь, специального назначения), призванные усилить войска трех других батальонов, рамочную основу которых составляют контингенты европейских стран – участниц НАТО. Так, в распоряжение батальона в Литве («ядро» которого составляют военнослужащие бундесвера) прибыла войсковая часть американского спецназа [Литва подтвердила.., 2017].

Во-вторых, количество единиц американской военной техники (в первую очередь, танков), размещаемой на территории шести восточноевропейских государств, в действительности с высокой долей вероятности значительно превышает заявленное. В этой связи представляет интерес запрос Левой партии, направленный правительству ФРГ в июле 2015 г. и содержащий критику официальных властей за отказ от разглашения реальных масштабов перебросок техники США через территорию ФРГ [Kleine Anfrage.., 2015, S. 1–2]. В документе, со ссылкой на заявления командующего войсками США в Европе генерала Б. Ходжеса, указывается на переброску в район немецких городов Манхайм и Графенвёр, где дислоцирована бригада армии США, 800 (!) новых танков, 2/3 из которых, т.е. два полных комплекта тяжелой техники для бронетанковых бригад, должны быть направлены в Польшу и сопредельные восточноевропейские государства [Ibid., S. 1]. Таким образом, по количеству танков группировка США в Восточной Европе состоит не из одной, а из двух бронетанковых бригад, а также отдельных частей усиления, в том числе спецназа.

В-третьих, США продолжают привлекать значительные контингенты своих вооруженных сил к проведению военных учений на территории Восточной Европы. В начале июня 2016 г. в преддверии саммита НАТО в Варшаве на территории Польши были

проведены учения «Анаконда-2016» – самые масштабные с момента окончания классической холодной войны [Smith, 2016]. Всего в них приняла участие 31 тыс. военнослужащих, из которых 12 тыс. приходилось на долю США [Ibid.], что эквивалентно двум полноценным бригадам сухопутных войск и частей усиления. В ходе учений был осуществлен одновременный десант 2,3 тыс. парашютистов армий США и Великобритании, т.е. эквивалента смешанной бригады [Ibid.].

Формально использование войск США, не входящих в состав 3-й бронетанковой бригады 4-й пехотной дивизии, в рамках военных учений в Восточной Европе носит временный характер. Однако, учитывая постоянное проведение учений (особенно в период с весны до осени), США де-факто располагают в регионе достаточно серьезными военными силами в дополнение к официально декларируемой группировке.

Необходимо обратить внимание, что учения «Анаконда-2016», имевшие явную антироссийскую направленность, проводились на территории западных и центральных воеводств Республики Польша [Ibid.]. Это указывает на то, что во время учений отрабатывалось взаимодействие между войсками первого эшелона сил НАТО, дислоцированными в странах Балтии, Польше и Румынии, и силами второго стратегического эшелона на территории ФРГ, в том числе – взаимодействие со значительной группировкой войск США. В этой связи необходимо также отметить, что значительная часть военнослужащих и техники Соединенных Штатов, используемых в военно-тренировочной деятельности в Восточной Европе, принадлежат именно силам США на территории ФРГ. Соответственно, необходимо учитывать данные силы при оценке возможностей группировки США в Восточной Европе.

По завершении нескольких этапов сокращения численности после окончания классической холодной войны группировка войск США на территории ФРГ к началу 2010-х годов насчитывала 57 тыс. военнослужащих [Antwort., 2011, S. 14–15]. В основном эти силы были дислоцированы на юге Германии (в первую очередь, в федеральных землях Бавария и Баден-Вюртемберг). В настоящее время параллельно с развертыванием группировки войск в Восточ-

ной Европе усиливается и мощь войск США в Германии: по данным Левой партии, на территории ФРГ (преимущественно), а также Нидерландов, Бельгии и г. Познань на западе Польши планируется разместить свыше 250 танков, т.е. полный комплект тяжелого вооружения для бронетанковой бригады армии США [Kleine Anfrage., 2015, S. 1]. Подтверждением этому является также постройка новых ангаров для бронетехники в районе г. Графенвёр, на что администрация Б. Обамы ассигновала сумму в 51 млн долл. [Ibid.].

Соответственно, помимо развертывания достаточно мощной группировки своих войск (до двух бригад и отдельные части усиления) в Восточной Европе, в 2015–2016 гг. администрация США приняла решение и по значительному усилению своих войск в Центральной Европе. Параллельно с этими мерами стало осуществляться развертывание военных сил европейских стран – участниц НАТО вблизи границ РФ и ее союзника по ОДКБ – Беларуси.

Участие европейских государств – членов НАТО в развертывании военного присутствия альянса в Восточной Европе

К началу 2010-х годов «старые» европейские государства – члены НАТО участвовали в обеспечении лишь военно-морского и военно-воздушного присутствия в регионе Восточной Европы. Так, с середины 2000-х годов на Балтийском море и в прилегающих акваториях стали действовать 1-я постоянная морская группа (ПМГ) и 1-я постоянная контрминная группы (ПКМГ), а в Черноморском бассейне – 2-я ПМГ и 2-я ПКМГ. С 2004 г. была развернута миссия по патрулированию воздушного пространства над странами Балтии. Все эти группировки комплектовались судами и самолетами и, соответственно, экипажами европейских стран – участниц НАТО с ротацией каждые полгода.

Отправной точкой для развертывания наземного военного присутствия «старых» стран – участниц НАТО на территории «новых» стран стал Варшавский саммит. Комплектование двух из четырех батальонов сил передового развертывания в Восточной Европе, создаваемых согласно решениям саммита [Warsaw summit.,

2016], было возложено на европейские государства – члены НАТО. Рамочную основу для батальона в Эстонии составят британские подразделения, а французские и датские вооруженные силы выделяют дополнительные контингенты в его состав [В НАТО заявили..., 2016]. «Ядро» батальона в Литве составят части германского бундесвера, усиленные подразделениями армий Франции, стран Бенилюкса и Хорватии [Ibid.]. Кроме того, европейские страны (Италия, Польша, Словения и Дания) выделяют контингенты в состав батальона в Латвии, который формируется при ведущем участии Канады, а Великобритания и Румыния призваны усилить батальон в Польше, рамочную основу которого составят военнослужащие США [Ibid.]. Таким образом, в 2016–2017 гг. в комплектовании сил передового развертывания НАТО должна участвовать почти половина (12 из 26) европейских стран – участниц альянса, в том числе все входящие в него ведущие европейские державы.

С одной стороны, в политическом плане это символизирует солидарность государств – членов блока по вопросу о необходимости сдерживания России и усиления обороны Восточной Европы. С другой стороны, собственно военная ценность данных мер является не очень большой – во всех четырех батальонах должно находиться не более 3 тыс. военнослужащих. При этом к отметке в тысячу военнослужащих может приблизиться только численность контингента Великобритании¹. Однако представляется, что в реальности масштаб европейского участия в осуществлении военно-стратегических мер НАТО в Восточной Европе значительно больше.

В этой связи обращает на себя внимание развертывание нескольких штабов – до и особенно после проведения Варшавского саммита НАТО. Для руководства войсками на территории стран Балтии и Польши был развернут штаб корпуса «Северо-Восток» [Warsaw summit., 2016], которому в реалиях 2017 г. подчиняются лишь четыре батальона сил передового развертывания (СПР) и основная масса американских войск в регионе (две бронетанковые бригады с частями усиления). Кроме того, для командования сила-

¹ Рассчитано автором на основе структуры комплектования батальонов. Исходя из списка стран-участниц, комплектующих конкретный батальон, его численность колеблется от 750 до 1200 военнослужащих.

ми альянса в Румынии и Болгарии был создан штаб дивизии «Юго-Восток» [Warsaw summit., 2016], в распоряжении которого на 2017 г. вообще нет сколько-нибудь значительных сил. Учитывая названия штабов и их географические зоны ответственности, можно прийти к выводу, что они потенциально предназначены для принятия значительно большего количества войск, чем сейчас есть в их распоряжении. Какие войска могут быть переданы под их командование?

В первую очередь, те соединения и части европейских стран – участниц НАТО, которые используются в настоящий момент в составе сил быстрого реагирования альянса или предназначены к такому использованию в рамках семилетней ротации. Притом что штатная численность СБР – 40 тыс. военнослужащих [Fact sheet., 2016], общая численность этих войск – 280 тыс. (!), в том числе сил повышенной боевой готовности – 35 тыс. (семь бригад), хотя их штатная численность – 5 тыс. [Ibid.]. Как указывают немецкие аналитики, в Прибалтике, Польше, а также восточных федеральных землях Германии развернуты семь штабов, которые в случае необходимости готовы принять под свое командование все семь бригад сил повышенной боевой готовности [Kamp, 2016, S. 2]. В этой связи показательны неоднократные учения бригад повышенной боевой готовности на территории Польши. Это означает, что помимо небольших контингентов, предоставленных в состав четырех батальонов сил передового развертывания, европейские государства – члены НАТО могут оперативно развернуть в Восточной и Центральной Европе силы, эквивалентные нескольким корпусам. Для управления ими в случае нарастания военно-политической напряженности уже создана разветвленная система органов военного управления.

Таким образом, в условиях глубокого ухудшения отношений между РФ и Западом в 2014–2016 гг. последний пошел на развертывание значительного военного присутствия в Восточной Европе, которое может быть оперативно увеличено в несколько раз. Отличительной чертой данного процесса является активное участие в нем не только США и Канады, но и европейских стран – участниц альянса.

Евро-Атлантическое сообщество последовательно стремится продемонстрировать, что его военно-стратегические шаги не являются контрмерами в ответ на военно-политические меры РФ. В основе этой линии лежат две основные особенности информационно-идеологического освещения развертывания сил НАТО в Восточной Европе.

Первая особенность – стремление представить происходящее развертывание военного присутствия как менее масштабное. Основное внимание фокусируется на том, что против «миллиона войск» РФ формально страны – участницы НАТО развертывают лишь одну бригаду армии США и четыре батальона с европейским участием [Аксенов, 2016], значительная часть которых в реальности сосредоточена на противодействии широкому спектру угроз и вызовов безопасности на других операционных направлениях (в первую очередь, южном). Доказательства того, что сравнения западных СМИ гиперболизированы, были приведены выше.

Вторая особенность состоит в том, что не только СМИ и официальные лица, но и эксперты подчеркивают, что все вновь прибывающие силы развертываются не на постоянной, а на ротационной основе с потенциальной возможностью их вывода в случае качественного улучшения отношений Запада и России [Камп, 2016, С. 2]. Очевидно, что одна из основных целей таких заявлений – доказать, что Запад не нарушает своими действиями основополагающий акт Россия–НАТО (1997). Он был и формально остается одним из немногих документов, которые связывают обе стороны и очерчивают определенные «красные линии» в их военно-стратегической деятельности.

С 2014 г. страны НАТО, интенсифицировав военно-тренировочную деятельность, неоднократно де-факто нарушали Договор об обычных вооруженных силах в Европе (ДОВСЕ) (1990). Согласно данному документу, число задействованных в одних учениях военнослужащих не должно превышать 13 тыс. человек [Договор..., 1990]. Тем не менее в 2014–2015 гг. под эгидой НАТО на территории Восточной Европы неоднократно проводились одновременные учения по сходящимся направлениям. Число военнослужащих на каждом учении было менее 13 тыс., однако, учитывая их тесную

географическую и хронологическую взаимосвязанность, проведение учений де-факто противоречило положениям ДОВСЕ. Проведения учения «Анаконда-2016» и объявив об участии в них 31 тыс. военнослужащих [Smith, 2016], Североатлантический блок тем самым не только де-факто, но и де-юре нарушил положения ДОВСЕ. Однако ДОВСЕ (учитывая приостановку выполнения обязательств по нему РФ в 2007 г.) играет сегодня все же меньшую роль для обеих сторон, чем основополагающий акт (1997).

Согласно акту, обе стороны воздерживаются от развертывания значительных группировок войск на постоянной основе вблизи территорий друг друга [Основополагающий акт., 1997]. Как справедливо указывают технические эксперты Бундестага, в документе не указываются точные количественные критерии понятия «значительные военные силы». Однако, как полагают с должным основанием немецкие парламентские аналитики, исходя из понимания данного термина военными в США, «значительные» силы равнозначны по численности бригаде или отдельным подразделениям, количество военнослужащих в которых в сумме эквивалентно бригаде [Zulässigkeit., 2016, S. 7–8].

В этой связи показательно, что даже на экспертном уровне представители Запада раздельно оценивают четыре батальона сил передового развертывания (эквивалентные бригаде) и американскую бронетанковую бригаду [Ibid., S. 2–3], которые, взятые по отдельности, находятся на *нижней границе* численности сил, запрещенных к развертыванию Основополагающим актом Россия–НАТО. Однако, как было отмечено выше, численность вновь развертываемых войск альянса в Восточной Европе существенно выше.

Ни в одном документе НАТО к настоящему моменту не опубликовано даже приблизительного масштаба «верхней планки» для уже размещенных и планируемых к дополнительному размещению в Восточной Европе войск. Представление таких цифр (на взаимной основе), бесспорно, способствовало бы частичному возвращению взаимопонимания между Евро-Атлантическим сообществом и Россией.

Другой аргумент, с помощью которого Запад обосновывает отсутствие нарушения им Основополагающего акта, – это уже от-

меченный ротационный характер военного присутствия [Kamp, 2016, S. 2]. Однако в реальности для РФ данная форма развертывания и смены войск представляет даже большую военную опасность, нежели постоянное пребывание. В рамках процесса ротации за два-три года через позиции бригады можно «прогнать» полнокровную дивизию, которая будет подготовлена к возможным военным столкновениям в условиях восточноевропейского региона.

По мнению автора, фактическая эрозия стремления Запада выполнять положения основополагающего акта Россия-НАТО в совокупности с развертыванием значительных войсковых группировок в Восточной Европе – важнейшие черты, характеризующие приближение отношений РФ и Евро-Атлантического сообщества к состоянию холодной войны, поэтому встает вопрос, насколько выгодно США и их партнерам по НАТО возвращение к парадигме холодной войны? И насколько длительным может быть такое состояние отношений Запада и России?

Главный мотив проводимой линии альянса – стремление обеспечить стратегическое сдерживание (по лекалам классической холодной войны) с желательным последующим геополитическим отбрасыванием России с постсоветского пространства и Ближнего Востока, как это случилось в конце 1980-х – начале 1990-х годов. Есть основания полагать, однако, что минусы от реализации такого курса в долгосрочной перспективе значительно перевесят плюсы.

Во-первых, несмотря на огромные приложенные усилия, Евро-Атлантическому сообществу не удалось превратить в свою «буферную зону» территории государств, расположенных на постсоветском пространстве (особенно в западной его части), а также в Западном и Восточном Средиземноморье. Более того, ряд стран данного региона (в первую очередь, Ливия и Сирия) стали на длительное время очагами нестабильности, что создало для ЕС две масштабные и тесно переплетенные угрозы – миграции и международного терроризма. Безусловно, противодействие политике ЕС Россией и Ираном – ключевых игроков, действующих в данных регионах, – сыграло свою роль. Однако не меньшее значение имели огромные социокультурные и исторические различия между странами – участницами Евро-Атлантического сообщества (особенно

«старыми» государствами – членами НАТО и ЕС) и акторами на постсоветском пространстве и Ближнем Востоке. В этой связи уместно говорить о *переоценке* истеблишментом Евро-Атлантического сообщества своих возможностей проводить активный внешнеполитический курс сразу на нескольких стратегических направлениях.

Во-вторых, чрезмерное внимание к России значительно сокращает возможности держав Запада, в том числе США, по противодействию другим поднимающимся незападным державам, в первую очередь – Китаю. Возникают большие сомнения, удастся ли Соединенным Штатам при сохранении избранного курса реально осуществить стратегический разворот сил, в том числе военных, для сдерживания Поднебесной? Думается, едва ли не важнейшей задачей для администрации Д. Трампа является создание мощного резерва военных сил и средств, значительная часть которого может быть использована для сдерживания роста военной мощи НОАК.

Наконец, *в-третьих*, возвращение к парадигме холодной войны невыгодно значительной части европейских государств – членов НАТО, в том числе континентальным державам. В случае продолжения конфронтации на повестке дня могут оказаться столь болезненные для любого европейского правительства вопросы, как значительное (более чем на 0,2–0,5%) увеличение военных расходов и возвращение к мобилизационной модели комплектования вооруженных сил. Попытки положительного решения данных вопросов могут привести к поражению правящих партий на выборах – особенно на фоне глубоких изменений политического ландшафта стран Запада в настоящее время.

Таким образом, чрезмерная сосредоточенность на военно-политическом противостоянии с РФ может привести к «пробуксовыванию» внешней политики держав Запада на других направлениях и нарастанию внутренних проблем. В этой ситуации уже в среднесрочной перспективе следует ожидать снижения градуса напряженности в отношениях между Россией и Западом и демонстрации политической готовности прекратить конфронтацию. В военном плане, учитывая высокую степень бюрократизированности НАТО, сопротивление части истеблишмента, а также немалые затраты на передислокацию войск, пересмотр предпринятых

мер будет проводиться значительно медленнее. Более того, высока вероятность того, что НАТО сохранит небольшие военные силы (в первую очередь, четыре многонациональных батальона), и особенно штабные структуры с налаженной системой управления, как рычаг для потенциального военно-политического давления на РФ в будущем и основу для возможного наращивания своих сил.

Список литературы

Аксенов П. Четыре батальона против миллиона: Как НАТО собирается сдерживать Россию // ВВС. Русская служба. – Лондон, 2016. – 01.06. – Режим доступа: http://www.bbc.com/russian/international/2016/06/160601_poland_nato_battalion (Дата обращения – 20.07.2017).

Безопасность для Западной Европы: Альтернативная политика безопасности и военная политика / Пер. с нем. под ред. Н.А. Захарченко. – М.: Прогресс, 1985. – 170 с.

В НАТО заявили об участии 16 стран в ротации сил в Восточной Европе // РБК. – М., 2016. – 26.10. – Режим доступа: <http://www.rbc.ru/politics/26/10/2016/581105489a7947ab15d62082> (Дата обращения – 20.07.2017).

Договор об обычных вооруженных силах в Европе / ОБСЕ. – Париж, 1990. – 19.11. – 124 с. – Режим доступа: <https://www.osce.org/ru/library/14091?download=true> (Дата обращения – 20.07.2017).

Кокошин А.А., Балуевский Ю.Н., Потапов В.Я. О соотношении компонентов военного искусства в контексте трансформации мирополитической системы и технологических изменений. – М.: URSS, 2015. – 140 с.

Литва подтвердила размещение военного спецназа США // Lenta.ru. – М., 2017. – 03.01. – Режим доступа: <https://lenta.ru/news/2017/01/03/usa/> (Дата обращения – 20.07.2017).

Минобороны США отказались воевать в Сирии без союзников // Lenta.ru. – М., 2013. – 30.08. – Режим доступа: <http://www.lenta.ru/news/2013/08/30/coalition/> (Дата обращения – 20.07.2017).

Основополагающий акт о взаимных отношениях, сотрудничестве и безопасности между Российской Федерацией и Организацией Североатлантического договора / НАТО. – Париж, 1997. – 27.05. – Режим доступа: http://www.nato.int/cps/ru/natohq/official_texts_25468.htm (Дата обращения – 20.07.2017).

Системная история международных отношений 1918–2003 / РАН. ИМЭМО; ГУГН; Научно-образовательный форум по международным от-

ношениям; Под общ. ред. А.Д. Богатурова. – М., 2003. – Т. 3: События: 1945–2003. – 710 с.

Сухопутные войска США будут сокращены // Военно-промышленный курьер. – М., 2014. – 25.02. – Режим доступа: <http://vpk-news.ru/news/19298> (Дата обращения – 20.07.2017).

Трунов Ф.О. Политика ФРГ в НАТО и украинские события // Современная Европа / РАН. ИЕ. – М., 2016. – № 5. – С. 34–43.

Шаклеина Т.А. Лидерство и современный мировой порядок // Международные процессы. – М., 2016. – Т. 13, № 4. – С. 6–19.

Antwort der Bundesregierung auf die Kleine Anfrage der Abgeordneten Paul Schäfer (Köln), Inge Höger, Jan van Aken, weiterer Abgeordneter und der Fraktion die Linke: Ausländische Streitkräfte in Deutschland / Deutscher Bundestag, 17. Wahlperiode; Drucksache 17/5586. – Berlin, 2011. – 14. 04. – 20 S. – Mode of access: <https://ia601607.us.archive.org/21/items/ger-bt-drucksache-17-5586/1705586.pdf> (Дата обращения – 20.07.2017).

Anzahl der Grundwehrdienstleistenden und freiwillig länger Dienstleistenden in der Bundeswehr nach dem Jahr des Dienst Eintritts von 1990 bis 2009 // Das Statistik-Portal. – Berlin, 2017. – Mode of access: <https://de.statista.com/statistik/daten/studie/152202/umfrage/entwicklung-der-anzahl-der-wehrdienstleistenden-in-der-bundeswehr-seit-1990/> (Дата обращения – 20.07.2017).

Armee im Kalten Krieg // Verteidigungsministerium der BRD. – Berlin, 2015. – 05.02. – Mode of access: https://www.bundeswehr.de/portal/a/bwde/start/streitkraefte/grundlagen/geschichte/anaenge/!ut/p/z1/04_Sj9CPykssy0xPLMnMz0vMAfljo8zinSx8QnyMLl2MTM0sDAw8DUMCPDy9TI0MDAz0wwkpiAJKG-AAjgb6wSmp-pFAM8xxm2GqH6wfpR-ViVlWWKFXkF9UkpNaopeYDhKhfmgRYl5KTmpAfrljRKAgn6LcoNxREQCKF9HU/dz/d5/L2dBISEvZ0FBIS9nQSEh/ (Дата обращения – 20.07.2017).

Eucom commander: US armored brigade's deployment to Poland «significant» / US Department of defense. – Wash., D.C., 2017. – 12.01. – Mode of access: <https://www.defense.gov/News/Article/Article/1048463/eucom-commander-us-armored-brigades-deployment-to-poland-significant/> (Дата обращения – 20.07.2017).

Fact sheet: NATO Response Force (NRF) / NATO. – Mons, 2016. – Mode of access: <https://web.archive.org/web/20170315001812/https://www.shape.nato.int/page349011837> (Дата обращения – 20.07.2017).

Kamp K.-H. Der NATO-Gipfel von Warschau Sieben zu erwartende Botschaften: Arbeitspapier Sicherheitspolitik / Bundesakademie für Sicherheitspolitik. – Berlin, 2016. – N 18/2016. – 4 S. – Mode of access: https://www.baks.bund.de/sites/baks010/files/arbeitspapier_sicherheitspolitik_2016_18.pdf (Дата обращения – 20.07.2017).

Kleine Anfrage der Abgeordneten Andrej Hunko, Eva Bulling-Schröter, Dr. Alexander S. Neu, Wolfgang Gehrcke, Christine Buchholz, Annette Groth, Ulla Jelpke, Niema Movassat, Jörn Wunderlich und der Fraktion die Linke: Verlegung von Ausrüstung, Fahrzeugen und Panzern für eine schwere US-Brigade nach Grafenwöhr und Mannheim / Deutscher Bundestag, 18. Wahlperiode; Drucksache 18/5604. – Berlin, 2015. – 14.07. – 8 S. – Mode of access: <http://dip21.bundestag.de/dip21/btd/18/056/1805604.pdf> (Дата обращения – 20.07.2017).

Menon R., Rumer E. Conflict in Ukraine: The unwinding of the post-cold war order. – Cambridge, MA: MIT press, 2015. – 170 p.

Smith A.D. NATO countries begin largest war game in Eastern Europe since cold war // The Guardian. – L., 2016. – 10.06. – Mode of access: <https://www.theguardian.com/world/2016/jun/06/nato-launches-largest-war-game-in-eastern-europe-since-cold-war-anaconda-2016> (Дата обращения – 20.07.2017).

Von Bredow W. Sicherheit, Sicherheitspolitik und Militär. – Wiesbaden: Springer Fachmedien, 2015. – 304 S.

Wales summit declaration / NATO. – Newport, UK, 2014. – 05.09. – Mode of access: http://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_112964.htm (Дата обращения – 20.07.2017).

Warsaw summit communiqué / NATO. – W-wa, 2016. – 09.07. – Mode of access: http://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_133169.htm (Дата обращения – 20.07.2017).

Zulässigkeit rotierender Truppen in den östlichen Mitgliedstaaten der NATO: Ausarbeitung / Deutsche Bundestag. Wissenschaftliche Dienste. – Berlin, 2016. – WD2-3000-077/16. – 11 S. – Mode of access: <https://www.bundestag.de/blob/433612/086dbea48fe4aa67d522df6817d48470/wd-2-077-16-pdf-data.pdf> (Дата обращения – 20.07.2017).